

DOI: 10.25178/nit.2026.2.16

Статья

«Мемориал жертвам политических репрессий балкарского народа 1944–1957 годов» — место памяти и проекция будущего

Хаким К. Геграев, Ильяс Х. Геграев

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, Российская Федерация

В статье анализируется значение Мемориала жертвам репрессий балкарского народа 1944–1957 гг., открытого в 2002 г., в г. Нальчике Кабардино-Балкарской Республики (Россия).

Мемориал посвящен трагическим событиям, связанным с депортацией балкарского народа в Среднюю Азию и Казахстан, поэтому его концепция связана с памятью о жертвах депортации и политических репрессий. Большую ценность представляет его электронная база данных со списком репрессированных в 1944–1957 годах. Вместе с тем экспозиция Мемориала содержит материалы разных этапов истории народа, включает некоторые знаковые предметы материальной культуры и народного творчества балкарцев.

Мемориал не только выступает хранилищем исторической памяти народа, он также популяризирует информацию, является площадкой для общественных дискуссий и тем самым играет значительную роль в культурной жизни республики. В том числе он выполняет функцию внутриэтнической коммуникации и консолидации этноса, развивает политическую и социокультурную субъектность народа.

Ключевые слова: мемориал; балкарцы; Великая Отечественная война; депортация; мемориальные исследования

Статья подготовлена в рамках внутреннего гранта КБГУ (Договор № 44 о выделении внутреннего гранта на финансовое обеспечение реализации проекта по проведению научного исследования от 15.12.2025 г.).

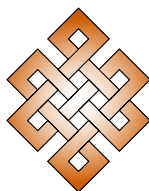
Для цитирования:

Геграев Х. К., Геграев И. Х. «Мемориал жертвам политических репрессий балкарского народа 1944–1957 годов» — место памяти и проекция будущего // Новые исследования Тувы. 2026. № 2. С. 245–268. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.16>

Геграев Хаким Камилевич — кандидат исторических наук, заместитель директора по научной деятельности Социально-гуманитарного института Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х. М. Бербекова. Адрес: 360004, Российская Федерация, г. Нальчик, ул. Чернышевского, д. 173. Эл. адрес: gegra70@mail.ru

Геграев Ильяс Хакимович — аспирант кафедры истории России и кавказоведения Социально-гуманитарного института Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х. М. Бербекова. Адрес: 360004, Российская Федерация, г. Нальчик, ул. Чернышевского, д. 173. Эл. адрес: ylgeg2001@gmail.com. Научный руководитель — д-р ист. н., проф. А. Х. Абазов.

Article

“Memorial to the Victims of Political Repressions of the Balkar People (1944–1957)” as a Site of Memory and a Projection of the Future

Khakim K. Gegraev, Ilyas Kh. Gegraev

Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Russian Federation

The article analyzes the significance of the Memorial to the Victims of Repressions of the Balkar People (1944–1957), opened in 2002 in Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic (Russia). The memorial is dedicated to the tragic events associated with the deportation of the Balkar people to Central Asia and Kazakhstan; therefore, its concept is closely linked to the commemoration of the victims of deportation and political repression. Of value is its electronic database containing a list of individuals subjected to repression between 1944 and 1957. At the same time, the memorial's exhibition presents materials from different stages of the people's history and includes significant artifacts of Balkar material culture and folk art.

The memorial functions not only as a repository of historical memory but also as a platform for disseminating knowledge and fostering public discussion, thereby playing an important role in the cultural life of the republic. It also performs the function of intra-ethnic communication and consolidation, contributing to the development of the political and sociocultural agency of the people.

Keywords: memorial; Balkars; Great Patriotic War; deportation; memory studies

Financing

The article was prepared within the framework of an internal grant from Kabardino-Balkarian State University (Agreement № 44 on the allocation of an internal grant for financial support of a scientific research project, dated December 15, 2025).

For citation:

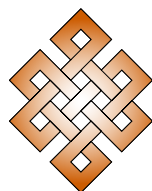
Gegraev Kh. K. and Gegraev I. Kh. “Memorial to the Victims of Political Repressions of the Balkar People (1944–1957)” as a Site of Memory and a Projection of the Future. *New Research of Tuva*, 2026, no. 2, pp. 245-268 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.16>

GEGRAEV, Khakim Kamilevich, Candidate of Historical Sciences, Deputy Director for Research, Social and Humanitarian Institute, Kabardino-Balkarian State University named after Kh. M. Berbekov. Postal address: 173 Chernyshevskogo St., 360004, Russian Federation, Nalchik. E-mail: gegra70@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8470-1530

GEGRAEV, Ilyas Khakimovich, Postgraduate Student, Department of Russian History and Caucasian Studies, Social and Humanitarian Institute, Kabardino-Balkarian State University named after Kh. M. Berbekov. Postal address: 173 Chernyshevskogo St., 360004, Russian Federation, Nalchik. E-mail: ylgeg2001@gmail.com. Supervisor — A. Kh. Abazov, Doctor of Historical Sciences, Professor.

Введение

В истории одного из титульных этносов Кабардино-Балкарской Республики, — балкарского народа, — особое место занимают трагические события, связанные с его насильственной депортацией и пребыванием в ссылке с 1944 по 1957 гг. в Казахстане и Средней Азии. Как известно, такая же участь постигла в период Второй мировой войны и целый ряд других народов Советского Союза. Акты депортации нанесли существенный урон численности, материальной и духовной культуре этих народов. Так, накануне Великой Отечественной войны численность балкарцев составляла около 50 тыс. чел., абсолютное большинство которых проживало в четырех горных районах Кабардино-Балкарской АССР: Чегемском, Черекском, Хуламо-Безенгийском и Эльбрусском (Геграев, 2001).

8 марта 1944 г. с территории Кабардино-Балкарской АССР было депортировано 37,4 тыс. чел.¹ Остальная часть народа, в большинстве своем, к тому времени находилась, либо уже погибла на фронтах Великой Отечественной войны. Особенно большие потери балкарский народ понес в ходе мучительного двухнедельного пути в товарных вагонах и в первые четыре года пребывания (1944-1948) в Средней Азии и Казахстане от голода, болезней, сурового климата, жесткого психологического давления режима комендатур. Д. В. Шабаев, тат по национальности, участник Великой Отечественной войны, много лет возглавлявший Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики, отмечал в своей монографии: «По официальным данным, за короткий период, с 1 апреля 1944 г. по сентябрь 1946 г., т. е. за два с половиной года, в Киргизии и Казахстане умерло 4849 балкарцев. Это каждый восьмой балкарец, находившийся в ссылке» (Шабаев, 1994; 180). При этом Д. В. Шабаев уточнял, что «...учитывая особенности расселения балкарцев в Средней Азии и Казахстане, а именно, его предельно дисперсный характер...это далеко не полные данные» (Шабаев, 1994: 180). Только в 1950-е гг., с ослаблением режима комендатур, особенно после смерти Сталина, а также с постепенной адаптацией балкарцев к местным природно-климатическим условиям, хозяйственно-бытовому укладу, возвращением мужского населения из армии, демографическая ситуация начала несколько выправляться.

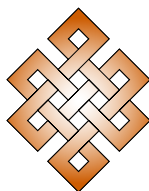
Наконец, хрущевская «оттепель» открыла возможность возвращения балкарцев на свою историческую родину. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 г. и последовавшие за ним законодательные акты РСФСР и Кабардино-Балкарской АССР оформили восстановление автономии балкарского народа (Сабанчиев, 2008: 366, 384). В конце 1980-х, 1990-е и 2000-е гг. также был предпринят ряд шагов на федеральном и республиканском уровнях, направленных на политическую и социально-культурную реабилитацию балкарского народа. Одним из таких шагов стало открытие в 2002 г. в столице Кабардино-Балкарской Республики, городе Нальчике, Мемориала жертвам политических репрессий балкарского народа (далее — Мемориал).

Цель данного исследования — проанализировать значение феномена Мемориала как своего рода исторической летописи балкарского народа, центра культуры и места притяжения людей разных поколений. Объектом исследования является Мемориал жертвам репрессий балкарского народа с его внешним и внутренним пространством; предмет исследования — экспозиция Мемориала как собрание историко-культурного наследия балкарского народа и связанные с ней мемориальные практики.

Методологической основой исследования стал междисциплинарный подход, сочетающий методы историзма, включенного наблюдения, сравнения и типологизации, качественные методы социологии (беседы, интервью), а также современные методы социальной и культурной антропологии, посредством которых исследуются такие проблемные области, как: антропология памяти, пространственная антропология, антропология смерти и траура. Как отмечала А. Ассман в своем исследовании по мемориальной культуре и исторической политике: «Мы переживаем ныне “посттравматическую эпоху”, в которой мемориальные практики тесно переплетены с мемориальными теориями. Индивидуальные и коллективные воспоминания становятся все менее спонтанным, естественным или сакральным актом, они во все большей мере опознаются как социальные и культурные конструкты, изменяющиеся во времени и обретающие собственную историю» (Ассман, 2014: 12).

На небольшом пространстве Мемориала собраны наиболее знаковые символы исторической памяти, материального и нематериального наследия балкарского народа. К тому же, и это демонстриру-

¹ Иосиф Сталин-Лаврентию Бери: «Их надо депортировать». Документы, факты, комментарии / сост. Н. Ф. Бугай. М.: Дружба народов, 1992. С. 117–118.

ет экспозиция Мемориала, законы жанра «биографии нации» требуют драматического развертывания и сюжетной завершенности событийного ряда, который, последовательно репрезентируя ключевые «места памяти», «национальные ценности» и «культурные символы», неуклонно и судьбоносно продвигается в линейной перспективе к актуальной действительности коллективного героя и сходится к субъекту идентификации в настоящий момент его существования (Прошлое для настоящего ... , 2020: 19).

Такого рода мемориальные локации позволяют соединить в себе «четыре формации, которые различаются по критериям пространственно-временного диапазона, по размеру группы, а также по ее неустойчивости или стабильности: память индивидуума, социальной группы, политического коллектива нации и, наконец, память культуры» (Ассман, 2014: 19). Сравнивая в своем исследовании балкарский этнокультурный материал с аналогичным у тюркских народов, в частности у тувинцев, казахов, гагаузов, мы не можем обойтись без кросс-культурного подхода, ибо, по замечанию Т. Х. Эриксона, «сравнительный кросс-культурный подход и та культурная саморефлексия, которые предлагает антропология, имеют принципиальное значение в нашем сжимающемся мире, где так не достает знания жизни других людей «изнутри» и верного понимания чужого опыта и идей...» (Эриксен, 2014: 224).

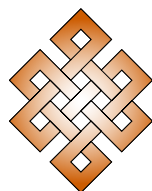
Источниковой базой исследования стали, во-первых, материалы постоянной экспозиции и архивных фондов Мемориала. Экспозиция вобрала в себя не только материалы, связанные с собственно депортацией народа, но и с его традиционной культурой, в том числе и в виде аутентичных артефактов, продолжающих играть неоценимую роль в сохранении исторической памяти и культурного наследия балкарского народа. Тематическое и жанровое разнообразие экспозиции Мемориала дополняют также хранящиеся здесь произведения изобразительного искусства: живописные и графические полотна, скульптуры, произведения декоративно-прикладного искусства балкарских мастеров. Во-вторых, это информация о мемориальных комплексах и музеях, находящихся в разных регионах России и стран ближнего зарубежья, которая представлена на их сайтах. В-третьих, это тувинско-русский, казахско-русский и другие словари, служившие нам источником для сравнения этнографической лексики карачаево-балкарского, тувинского и казахского языка, как тюркских языков, носители которых проживают, соответственно, на Северном Кавказе, в Восточной Сибири и Центральной Азии, но при этом сохраняют этнокультурную близость. Наконец, в-четвертых, экспертные мнения представителей балкарской интеллигенции (5 чел.) о миссии Мемориала для настоящих и будущих поколений, записанные авторами статьи — в 2025 г.

Обзор литературы

Всю совокупность использованных в данном исследовании опубликованных работ можно разделить на три тематические группы. В первую группу входят работы, важные для нас точки зрения понятийного аппарата и антропологий идентичности, памяти, мемориальных практик. Это, в частности, исследование А. Ассмана о мемориальной культуре и исторической политике (Ассман, 2014); монография М. Ю. Барбашина об институциональном воспроизводстве этнической идентичности в локальных сообществах (Барбашин, 2013).

Этносоциологические подходы в исследовании идентичности всесторонне рассмотрены в монографии М. Н. Губогло (Губогло, 2003). Роль сферы священного и поминальных обрядов в жизни различных обществ раскрывается в монографии Р. Жерома (Жером, 2000). Историческая память и нарративы национальной идентичности на примере разных эпох, империй и цивилизаций исследованы в коллективной монографии «Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности» (Прошлое для ... , 2020). Ценные для нас понятия «кластеры пространства», «пространственные места» определены в исследовании В. А. Тишкова по социально-культурной антропологии (Тишков, 2021). Важность кросс-культурного подхода и «культурной саморефлексии» в антропологических исследованиях подчеркиваются в работе Т. Х. Эриксона (Эриксен, 2014).

Вторую группу составляют исследования, посвященные истории депортации балкарского народа и ее различным последствиям, в том числе становлению соответствующих мемориальных практик и роли в этом национальных общественных движений. В работе Х. К. Геграева (Геграев, 2001) исследованы демографические последствия Великой Отечественной войны и депортации для балкарского народа. Одной из наиболее фундаментальных монографий по истории депортации балкарцев, их воз-

вращения на историческую родину и обретения этнокультурной субъектности является работа Х.-М. А. Сабанчиева (Сабанчиев, 2008). В то время, как одной из первых работ в постсоветской историографии по данной проблематике стала монография Д. В. Шабаева (Шабаев, 1994).

В коллективной монографии ученых Кабардино-Балкарии «Основные проблемы развития общественно-политической ситуации в Кабардино-Балкарии в конце XX — начале XXI века» имеется раздел по проблемам актуализации исторической памяти и становления мемориальных практик балкарского народа в постперестроечные десятилетия (Кушхабиев и др., 2021). В сравнительном аспекте интерес для нас представляет коллективная монография З. В. Анайбан, М. Н. Губогло, М. С. Козлова об особенностях процессов «этнического ренессанса» среди тувинского народа в последнее десятилетие XX века (Анайбан, Губогло, Козлов, 1999).

Третью группу работ составляют исследования по различным аспектам этнической культуры балкарского народа, ставших неотъемлемой частью его мемориальных практик. Из более ранних работ мы отметим исследования Ю. Н. Асанова (Асанов, 1976) и Э. Б. Бернштейна (Бернштейн, 1993), посвященных балкарским традиционным поселениям и жилищам, ставших ярким маркером этноландшафта высокогорной Балкарии. Концепт камня (балк. — *таш*) как архетипа Вечности в балкарской картине мира, на примере творчества классика балкарской литературы К. Ш. Кулиева, рассматривается в работе Х. К. Геграева (Геграев, 2017). Наиболее фундаментальным обобщающим трудом по истории и культуре карачаево-балкарцев, на сегодняшний день, является академическое издание «Карачаевцы. Балкарцы» (Карачаевцы. Балкарцы, 2014). Важными для нас, с точки зрения экспозиции Мемориала, стали исследования по традиционной одежде и орнаментальному искусству карачаево-балкарцев, воплощенные, в частности, в трудах Е. Н. Студенецкой (Студенецкая, 1989) и А. М. Султановой (Султанова, 2016).

Однако, при всём том значительном научном заделе, накопленном в области исторического карачаево-балкароведения, феномен Мемориала и связанных с ним мемориальных практик балкарского народа ещё не становился предметом специального научного исследования.

К истории возникновения Мемориала

В конце XX в., на переломе эпох, проблематика памяти и идентичности выдвинулась на передовые позиции как в общественном сознании, так и в научных дискуссиях, а рационально мыслящими профессионалами охвативший общество «мемориальный бум» был осознан как вызов. Многие были склонны подчеркивать классическую оппозицию между *памятью*, обладающей силой формировать идентичности, и *историей*, призвание которой — объективно анализировать и обобщать (Прошлое для ... , 2020: 32). Хотя в случае с балкарским «мемориальным бумом» вряд ли можно говорить о выраженной дихотомии между *памятью* и *историей*, поскольку многие представители балкарской научной интеллигенции сами были активными участниками ревитализации исторической памяти народа, пострадавшей во многом из-за насильственной депортации.

В позднесоветский и постсоветский периоды, на волне демократизации и роста национального самосознания, были созданы целый ряд балкарских общественных организаций («Ныгыш», «Тере», Национальный совет балкарского народа, «Алан» и др.), выступавших за полную политическую, социально-экономическую и культурную реабилитацию балкарского народа, которая, согласно господствовавшему тогда общественному мнению внутри народа, не была осуществлена после его возвращения из мест депортации. Так, одна из первых балкарских общественных организаций «Ныгыш» («Совет»)¹ принимала активное участие в создании первого балкарского танцевально-ансамбля «Балкария» в 1988 г., а затем содействовала в получении им статуса государственного фольклорно-этнографического ансамбля.

Первый концерт «Балкарии» состоялся в 1990 г. в столице Кабардино-Балкарии г. Нальчике (Кушхабиев и др., 2021: 97). Ансамбль доказал свою творческую состоятельность, приобрел широкую известность, успешно выступает и в настоящее время, являясь также постоянным участником мероприятий, посвященных Дню памяти о депортации балкарского народа (*фото 1*).

¹ Так в балкарских аулах называлась площадь в центре поселения, на которой в часы досуга или по необходимости собирались взрослые мужчины, чтобы обсудить вопросы текущей жизни, либо принять решение по той или иной проблеме.

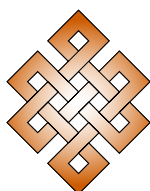

Фото 1. Мемориал жертвам репрессий балкарского народа в День памяти о жертвах депортации балкарского народа (8 марта). Мужчины в черных бурках и белых башлыках — участники государственного фольклорно-этнографического ансамбля «Балкария», выражающие образы скорбящих горцев.

Из архива Мемориала, 2014 г.

Photo 1. Memorial to the victims of the repression of the Balkarian people on the Day of Remembrance of the Victims of the Deportation of the Balkarian people (March 8). Men in black burkas and white caps are members of the state folklore and ethnographic ensemble "Balkaria", expressing images of grieving mountaineers.

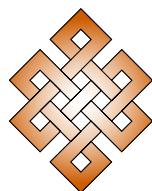
From the Memorial archive, 2014.

Также стали возникать формальные и неформальные родовые объединения, которые ставили своей задачей, в частности, консолидацию и взаимную поддержку людей, связанных кровными узами, передачу ценностей традиционной культуры и родовой памяти молодому поколению. Авторы исследования об аналогичных процессах, происходивших в Туве в последнее десятилетие XX в., отмечали, что в постсоветской Туве вместе с этническим ренессансом наблюдались и возрождение родовой идентичности, возникновение соответствующих объединений на основе родовой памяти и родовой принадлежности (Анайбан, Губогло, Козлов, 1999: 23, 81).

Если говорить о стране в целом, то проблема роста общественного внимания к этнофактору и численному росту движений этномобилизации, воздействующих на региональные и локальные сообщества, актуализировалась в России в период перестройки во второй половине 1980-х гг. Данная тематика и в XXI в. остается актуальной — не в последнюю очередь благодаря социальным процессам «ренессанса этногенеза» (Барбашин, 2013: 346).

Росту движений этномобилизации в 1990–2000-е гг., в самых разных ее проявлениях, в том числе в мемориальных политиках, способствовала особая острота экономического, социального, духовно-культурного кризиса, затронувшего народы Северного Кавказа. Авторитетный этносоциолог М. Н. Губогло даже считал, что тюркские народы Северного Кавказа, пожалуй, в большей мере, чем другие народы этого региона и всего постсоветского пространства, испытали на себе удары реформаторской деятельности Центра и ужас перехода к демократии и рыночной экономике (Губогло, 2003: 201). На примере балкарского кейса это проявлялось в том, что ввиду как экономических причин, так и локальных войн и конфликтов, имевших место в тот период на Северном Кавказе, в упадке оказалась туристическая сфера, с которой, в силу проживания в горной местности, традиционно были связаны балкарцы через занятия скотоводством и народными промыслами — обработкой шерсти и изготовлением вязаных изделий, пользовавшихся спросом у туристов. Также в упадке оказалась сфера промышленного производства, в частности горнорудная (г. Тырныауз), со всей сопутствующей инфраструктурой, что приводило к оттоку трудоспособного балкарского населения в другие регионы страны. Поэтому в дни мемориальных дат вспоминали не только трагические события депортации, но и поднимали проблемы актуального социально-экономического и духовно-культурного состояния народа.

М. Н. Губогло, неоднозначно оценивая начальный этап этнической мобилизации тюркских народов Северного Кавказа на рубеже XX–XXI вв., отмечал: «Этническая мобилизация тюркских на-

родов Кавказа, пережившая пиковые взлеты и экстремальные ситуации на рубеже 1980–90-х годов и не исчерпавшая своих резервов на всем протяжении последнего десятилетия, пульсирует в поле медленно и трудно формирующейся общероссийской национальной политики, включается в научный дискурс, выступая в различных регионах в качестве конструктивного партнера и опоры российских государственных интересов (в частности, на Кавказе) или, напротив, в роли фрондирующего оппонента, как деструктивная сила» (Губогло, 2003: 208). Здесь надо добавить, что в роли фрондирующего оппонента она выступала большей частью по отношению к региональным властям. С начала 2000-х гг. именно пространству Мемориала довелось стать не только местом памяти, но и свободных высказываний на злобу дня, и о перспективах развития народа, с точки зрения его политической и социально-культурной субъектности.

Государственное казенное учреждение культуры «Мемориал жертв политических репрессий 1944–1957 годов» было открыто 8 марта 2002 г., в 58-ю годовщину депортации балкарского народа в ходе политических репрессий 1944–1957 гг. Зодчим здания является М. З. Гузеев, руководил строительством — Заслуженный строитель Кабардино-Балкарской Республики И. К. Уянаев. Основателем и первым директором Мемориала был Таукенов Идрис Хусеевич (1937–2007). В настоящее время Мемориал возглавляет Теммоева Шахидат Ибрагимовна, Заслуженный работник культуры Кабардино-Балкарской Республики¹.

Появление Мемориала стало возможным как результат политического диалога между общественными организациями балкарского народа с республиканскими и федеральными органами власти. В столице Кабардино-Балкарии (далее — КБР), г. Нальчике, еще в первые годы Советской власти был открыт краеведческий музей, который в настоящее время называется «Национальный музей Кабардино-Балкарской Республики», но его экспозиция охватывает историю народов республики с древнейших до новейших времен, тогда как открытие Мемориала означало появление у балкарского народа центральной локации для проведения памятных дней его истории, прежде всего связанных с поминовением умерших по пути в ссылку и в местах спецпоселений, придавая, тем самым, по выражению Р. Жирара, «поминальному обряду катартическую силу, пропорциональную нуждам общества, в котором он должен функционировать» (Жирар, 2000: 331).

Внешнее пространство Мемориала и память о Кязиме Б. Мечиеве

Здание Мемориала не типовое, имеющее самостоятельное архитектурное значение. Оно располагается в центре курортной зоны г. Нальчика, на развилке дорог в два пригородных сельских поселения — Хасания и Белая Речка (балк. *Акъ-Суу*), в которых преимущественно проживают балкарцы. Общая площадь здания — 400 м². Оно сочетает в себе элементы традиционного балкарского (массивная каменная кладка) (Асанов, 1976; Бернштейн, 1993) и центральноазиатского зодчества (купольные сооружения). Хотя и в балкарской архитектуре средневековых погребальных сооружений известны купольные сооружения-мавзолеи (балк. *кешене*, каз. *кесене*), но они носили менее монументальный характер. Композиция Мемориала начинается с гранитных парапетов, расположенных по обе стороны от площади, на которые нанесены две ключевые даты, связанные с историей депортации балкарского народа — 8 марта 1944 г. — начало трагедии насильственного выселения, и 28 марта 1957 г. — восстановление автономии балкарского народа в составе Кабардино-Балкарской АССР (*фото 2*).

На внешней территории Мемориала расположена могила основоположника балкарской письменной литературы Кязима Бекиевича Мечиева, умершего в 1945 г. в депортации и прах которого был перевезен в 1999 г. из Казахстана и перезахоронен на родине, на территории сквера, примыкающего к зданию Мемориала. В 2020 г., с левой стороны от здания Мемориала памяти жертв репрессий балкарского народа, был открыт мемориальный комплекс в виде ансамбля из барельефов с изображениями основных этапов жизненного пути К. Б. Мечиева и плит с его стихотворениями, наиболее ярко выражающими его жизненную философию (*фото 3*).

¹ Мемориал жертв политических репрессий 1944–1957 годов. Главная страница [Электронный ресурс] // ГКУК «Мемориал жертв политических репрессий 1944–1957 годов». URL: <https://memorialbn.ru/> (дата обращения: 20.09.2025).

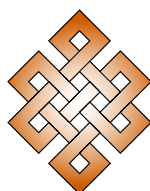

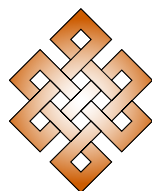
Фото 2. Площадь Памяти перед Мемориалом жертвам репрессий балкарского народа с обозначением даты (слева) начала депортации в Казахстан и Среднюю Азию (8 марта 1944 г.) и датой принятия Верховным Советом Кабардинской АССР решения о восстановлении Кабардино-Балкарской АССР (28 марта 1957 г.). Фото Х. К. Геграева, 28 августа 2025 г.
Photo 2. Memorial Square in front of the Memorial to the victims of the repressions of the Balkarian people with the date (on the left) of the beginning of deportation to Kazakhstan and Central Asia (March 8, 1944) and the date of adoption by the Supreme Council of the Kabardian ASSR of the decision on the restoration of the Kabardino-Balkarian ASSR (March 28, 1957). Photo by Kh. K. Gegraev, August 28, 2025.

Фото 3. Мемориальный комплекс основоположнику балкарской письменной литературы Кязиму Мечиеву на площади перед Мемориалом жертвам репрессий балкарского народа. Из архива Мемориала, 2021 г.
Photo 3. Memorial complex to the founder of the Balkarian written literature Kazim Mechiev on the square in front of the Memorial to the victims of the repressions of the Balkarian people. From the Memorial archive, 2021.

Здесь надо отметить, что для балкарской и, в целом, для мусульманской традиции не характерно перезахоронение праха умершего. Но в случае с К. Мечиевым сделали исключение, поскольку для балкарского сознания было трудно примириться с тем, что такая знаковая, в культурно-нравственном смысле, фигура будет покоиться на чужбине, в казахстанской степи. К тому же он оставил поэтическое завещание, написанное еще в 1910 г. в Дамаске, по пути в хадж (паломничество), в котором есть такие строки (в переводе с балкарского):

Если камень сорвётся в ущелье,
 В тёмной пропасти сгинув навек,
 То ничто никогда возвращенья

Не сулит ему больше наверх.
О, Аллах! Пусть мы так же не канем!
Если сам я дойти не смогу,
То, молю тебя, — сделай хоть камнем,
Но к родному верни очагу!¹

Присутствие образа Кязима Мечиева, воплощенного в посвященном ему мемориальном комплексе, как символа балкарской этничности, на территории Мемориала жертвам репрессий балкарского народа, соответствует общей традиции, поскольку, по мысли А. Ассман, «в традиционных мемориалах воздают дань памяти основателям собственной культуры и выдающимся деятелям ее прошлого, чтобы возвысить настоящее. Такова положительная, смыслообразующая функция мемориалов независимо от того, идет ли речь о приятном, величественном или ужасном прошлом» (Ассман, 2014: 239).

На огромных плитах высечены стихи поэта на балкарском и русском языке. Они вобрали в себя основные этапы жизненного пути и суть философии Кязима Мечиева. Память о своем предке предложила увековечить праправнучка поэта, 14-летняя Амина, которая захотела, чтобы его знали и помнили все:

«В детстве часто гуляла с папой по центральному парку Нальчика, там есть памятник Кязиму Мечиеву, я останавливалась, читала ему стихи, плакала, мы приходили сюда, и я сказала папе, почему у такого великого человека такая неприметная могила, и что мечтаю о том, чтобы был большой памятник. Папа пообещал, что обязательно воплотит мою мечту в реальность, и вот получилось»².

Идея мемориала, посвященного памяти основоположника балкарской письменной литературы, появилась в 2017 г., а затем был создан Фонд культуры имени Кязима Мечиева, который возглавил правнук поэта и папа Амины — Мечиев Батырбек Ильясович, генеральный директор горно-строительной компании. Мемориал памяти поэта построен на средства фонда и при содействии министерства культуры КБР, строительство памятника было закреплено специальным указом главы региона. Образ поэта и мыслителя воплотил в граните и бронзе народный художник КБР Борис Гуданаев, у которого, по его собственному признанию, была очень сложная задача:

«Образ Кязима Мечиева вобрал в себя все качества человечества: он и мудрец, и труженик, и философ, и религиозный просветитель. Все решения памятника были продиктованы тем, что я хотел какую-то одну его черту передать. Я решил ближе к человеческому образу, чтобы доброта читалась»³.

Над бюстом из бронзы он работал полгода, многофигурные рельефы из гранита заняли еще столько же времени. Стихотворения, в которых, по определению автора памятника, «сохранена прозрачность языка», были подобраны коллегиально.

Скромный надмогильный памятник (*фото 4*) выполнен из камня, привезенного из родного К. Мечиеву Безенгийского ущелья, которое было заселено одним из пяти исторических балкарских обществ (балк. *Беш Тау Эль*), сложившихся как этнический ареал балкарского народа в ущельях самой высокогорной части Центрального Кавказа. Помимо упомянутого Безенгийского, это также Черекское, Хуламское, Чегемское и Баксанское ущелья, освоенные человеком еще в древности. В период средневековья на их территории сложились балкарские горные феодальные общества — собственно Балкарское (балк. *Малквар*), как самое крупное по численности населения давшее название в качестве экзоэтнонима всему балкарскому народу и исторической области Балкария; Хуламское; Безенгийское; Чегемское; Баксанское (Урусбиевское).

¹ Мечиев К. Б. Разум и голос: Стихотворения и поэмы: пер. с балк. / сост. А.М. Бегиев; вступит. ст. К. Ш. Кулиева; пер. С. И. Липкина и Г. Б. Яропольского. Нальчик: Эльбрус, 2009. С. 107.

² Мемориальный комплекс основоположнику балкарской литературы Кязиму Мечиеву — Мемориал жертв политических репрессий 1944–1957 годов [Электронный ресурс] // ГКУК «Мемориал жертв политических репрессий 1944–1957 годов». URL: : <https://memorialbn.ru/?mawlad=мемориальный-комплекс-основоположник> (дата обращения: 20.09.2025).

³ Мемориальный комплекс основоположнику балкарской литературы Кязиму Мечиеву [Электронный ресурс] // ГКУК «Мемориал жертв политических репрессий 1944–1957 годов». URL: <https://memorialbn.ru/?mawlad=мемориальный-комплекс-основоположник> (дата обращения: 01.07.2025).

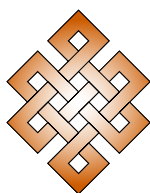

Фото 4. Могила основоположника балкарской письменной литературы Кязима Беккиевича Мечиева возле Мемориала жертвам репрессий балкарского народа (балк. Мёчюланы Беккины жашы Кязим) (1859–1945).
 Фото Х. К. Геграева. 2025 г.

Photo 4. The grave of the founder of the Balkarian written literature, Kazim Bekkievich Mechiev, near the Memorial to the Victims of the Repressions of the Balkarian people (balk. Kazim, son of Becky mechieva) (1859–1945). Photo by H. K. N. Gegraev. 2025

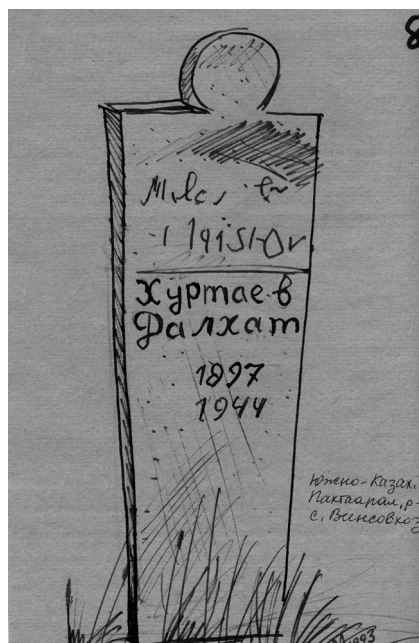

Рис. 1: а — Надмогильный камень умершей в 1945 г. в Казахстане балкарки; б — Надмогильный камень умершему в 1944 г. в Казахстане балкарцу. Автор эскизов М. Абайхан, 1993 г. Из архива Мемориала.

Fig. 1: a is the gravestone of the Balkarian woman who died in 1945 in Kazakhstan; b is the gravestone of the Balkarian man who died in 1944 in Kazakhstan. The author of the sketches is M. N. Abaykhan, 1993. from the Memorial archive.

В фондах Мемориала хранится целый ряд эскизов с изображениями надмогильных памятников над захоронениями умерших в Средней Азии и Казахстане балкарцев. Они иллюстрируют стремление народа и на чужбине сохранять определенный национальный стиль в конфигурации надмогильных памятников — в частности, их условно-антропоморфный облик (рис. 1аb).

Вообще, в балкарской материальной и духовной культуре, в этнической картине мира, зримо присутствует концепт *Tauh* (тув. *даш*; каз. *тас*), который выступает фундаментальным архетипом Вечности (Геграев, 2017: 71–79).

Таким образом, за первые два десятилетия текущего столетия, в результате частно-государственного социального партнерства, удалось создать мемориальную локацию, включающую в себя Мемориал жертвам репрессий балкарского народа 1944–1957 гг., могилу Кязима Мечиева и Мемориальный комплекс основоположнику балкарской литературы Кязиму Мечиеву.

Внутреннее пространство Мемориала

Помещение первого экспозиционного зала Мемориала расположено в цокольном этаже, спуск в который насчитывает 13 ступеней, символизирующих 13 лет жизни народа в депортации (фото 5).

Фото 5. Ступеньки, ведущие в выставочный зал Мемориала, символизируют годы пребывания балкарцев в ссылке. Из архива Мемориала.

Photo 5. The steps leading to the Memorial's exhibition hall symbolize the years of the Balkars' exile. From the Memorial archive.

Выставочные залы Мемориала располагаются на двух ярусах (фото 6). На первом ярусе размещена экспозиция с документами и артефактами, относящимися к периодам: досоветскому (фото 7 и 8), советскому довоенному, военному, депортации и первым годам после возвращения балкарцев на историческую родину (фото 9–12). На втором ярусе экспозиция рассказывает о людях и событиях, связанных с реабилитацией балкарского народа, достижениями послевоенного советского и постсоветского времени.

На территории Мемориала ежегодно отмечаются две даты, связанные с периодом 1944–1957 гг.: День депортации балкарского народа (8 марта 1944 г.) и День восстановления государственности балкарского народа (28 марта 1957 г.). В эти и другие дни для посетителей Мемориала проводятся экскурсии на русском и балкарском языках для всех возрастных категорий. Мемориал, кроме собственно меморативных практик, стал также площадкой для проведения научных конференций, круглых столов, творческих конкурсов, тематически связанных с прошлым и настоящим балкарского народа.

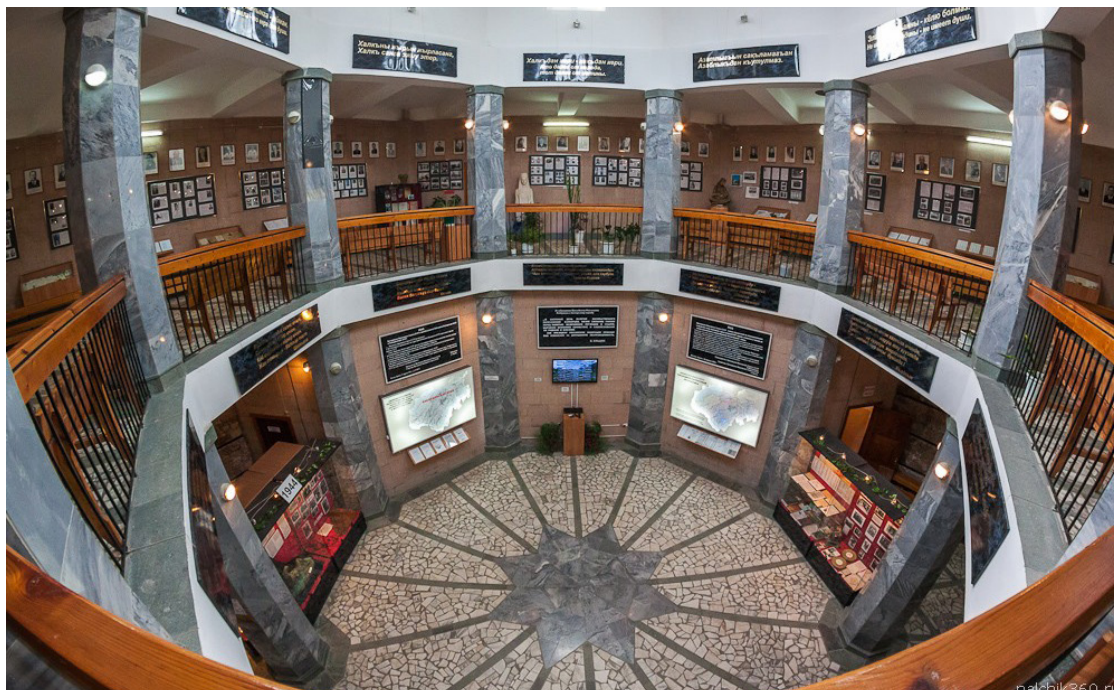
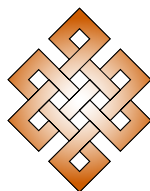

Фото 6. Два яруса выставочных залов Мемориала. Из архива Мемориала.
Photo 6. Two tiers of the Memorial's exhibition halls. From the Memorial archive.

Фото 7. Материалы, относящиеся к досоветскому периоду истории балкарцев (карта Балкарии, фотографии видных деятелей балкарского народа и сцен из повседневной жизни). Из архива Мемориала.
Photo 7. Materials related to the pre-Soviet period of the history of the Balkars (map of Balkaria, photographs of prominent figures of the Balkarian people and scenes from their daily lives). From the Memorial archive.

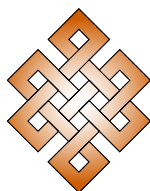

Фото 8. Мужская и женская одежда балкарцев с традиционными коврами-кийизами.
Из архива Мемориала.
Photo 8. Men's and women's clothing of Balkarians with traditional kiyiz carpets.
From the Memorial archive.

Фото 9. Документы и фотоматериалы о начале (8 марта 1944 г.) и первых годах депортации балкарцев.
Из архива Мемориала.
Photo 9. Documents and photographic materials about the beginning (March 8, 1944) and the first years of the Balkarian deportation.
From the Memorial archive.

Фото 10. Группа ссыльных балкарцев. 1953 г. Из архива Мемориала.
Photo 10. A group of exiled Balkarians In 1953. From the Memorial archive.

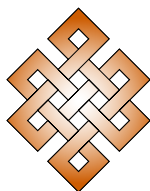

Фото 11. Документы и фотоматериалы о начале возвращения балкарцев на родину (1957 г.).

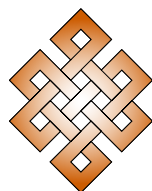
Из архива Мемориала.

Photo 11. Documents and photographic materials about the beginning of the Balkarians' return to their homeland (1957) from the Memorial archive.

Фото 12. Балкарские девушки-строители на высокогорном руднике в Тырнаузе в первые годы после возвращения из Казахстана и Средней Азии. Из архива Мемориала.

Photo 12. Balkarian construction girls at the high mountain mine in Tyrnauz in the first years after returning from Kazakhstan and Central Asia. From the Memorial archive.

Лейтмотивом экскурсий стали слова классика балкарской литературы, получившего и широкое международное признание, Кайсына Шуваевича Кулиева из его поэмы «Завещание» (балк. «Осуят»): «Мы поняли, что всех больших тиранов, ты долговечней, маленький народ»¹. В ходе экскурсий кратко излагается история балкарского народа по вышеуказанным периодам и темам экспозиции, основной смысл которой — довести до посетителей Мемориала, что, несмотря на большие человеческие жертвы и унижения, постигшие его в изгнании, народ сумел с достоинством выдержать трагедию депортации, сохранив свою культуру и самобытность.

За менее, чем четверть века своей деятельности Мемориал накопил около 23 тыс. единиц хранения, которые входят в следующие его фонды: основной фонд; научно-вспомогательный фонд; библиотечный фонд; предметы материальной культуры и народного творчества; произведения живописи, графики и скульптуры; электронные версии документов и фотоматериалов; документы или их копии и личные вещи классика балкарской литературы К. Ш. Кулиева, переданные в экспозицию Мемориала семьей Кайсыны Шуваевича Кулиева; документы или их копии и личные вещи основоположника балкарской письменной литературы Кязима Бекиевича Мечиева; документы или их копии и личные вещи народного певца Омара Магометовича Отарова; оригинальные документы фронтовиков; граждан, переживших депортацию.

В том числе в экспозиции залов экспонируется около 3200 единиц материалов.

Для ныне живущих и будущих поколений балкарцев большую ценность представляет электронная база данных со списком репрессированных в 1944–1957 гг., официально переданная в 2008 г. Мемориалу из ИВЦ МВД КБР — на 59896 чел., созданная в форме реквиема-мартиролога, в котором каждый балкарец сможет отыскать своих родственников, подвергшихся репрессиям².

Этнографическая экспозиция Мемориала

Как видно из вышесказанного, концепция Мемориала, связанная, главным образом, с памятью о жертвах депортации и политических репрессий, включает в себя также некоторые знаковые предметы материальной культуры и народного творчества балкарцев, являющихся частью экспозиции. Одним из таких примечательных элементов материальной культуры и декоративно-прикладного искусства балкарцев выступает войлочный ковер *кийиз* (тув. *кидис*, каз. *kiiz kilem*), который был универсальным по своему утилитарному назначению и разнообразным по технологии изготовления и орнаментации. Известно, что традиция производства войлока уходит своими корнями в древнетюркскую эпоху. С древнейших времен войлоками устилали полы и кровати, покрывали стены, укрывали арбы; их включали в приданое, демонстрируя благосостояние семьи и трудолюбие ее женщин (Карачаевцы. Балкарцы, 2014: 172).

На *фото 13* изображен так называемый *ала кийиз* (букв. «рябой, пестрый войлок») — одна из многих разновидностей балкаро-карачаевских войлочных ковров.

Для изготовления такого типа войлока мастерицы брали расчесанную и взбитую шерсть натуральных цветов и выкладывали из нее на циновке желаемые узоры. Затем приступали к валянию. Готовый войлок получался двусторонним, имел одинаковый рисунок с обеих сторон. Как правило, орнамент этого вида войлочных ковров представлял собой разноцветные сочетания геометрических фигур — треугольников, ромбов, квадратов. Аналогичный орнамент часто встречался в изделиях кобанской и аланской археологических культур, с которыми этногенетически связаны балкарцы (Карачаевцы. Балкарцы, 2014: 173). Есть также мнение, что войлочный ковер с подобного рода орнаментом, закрепленный на стене дома, имитировал конфигурацию деревянного каркаса юрты. Тем самым, просматривается этногенетическое рудиментарное влияние кочевой культуры древних тюрков на традиционную материальную культуру балкарцев.

Культура войлока присуща практически всем тюркским народам, основной хозяйственной специализацией которых было скотоводство, в особенности — овцеводство. Он находил широкое применение в традиционной одежде, оформлении жилища, в качестве постельных принадлежностей. Так,

¹ Кулиев К. Ш. Собрание сочинений: в 6 т. Нальчик: Эльбрус, 2010. Т.4. Стихотворения. 1980–1985. Поэмы. С. 365.

² Сведения по фондам предоставлены сотрудниками ГКУК «Мемориал жертв политических репрессий 1944–1957 гг.».

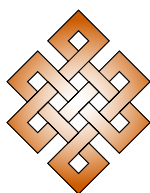

Фото 13. Одна из разновидностей балкарского войлочного ковра — ала кийиз. Из архива Мемориала.
Photo 13. One of the varieties of the Balkan felt carpet is kiy kiyiz. From the Memorial archive.

например, у тувинцев все свободное пространство вокруг очага застилали войлочными стегаными ковриками *ширте*. В обеспеченных семьях их было три, реже — четыре. Два из них укладывали по обе стороны от входа, третий — напротив, в почетной части жилища, четвертый — у входа. Богатые скотоводы поверх *ширтеков* стелили небольшие четырехугольные или округлые, войлочные или плетеные из шерсти коврики *олбук*, предназначенные для сидения (Вайнштейн, 1991: 86).

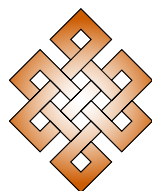
С целью обеспечения межпоколенной преемственности, в ряде населенных пунктов с компактным проживанием балкарцев, в 2000-е гг., по инициативе мастеров-энтузиастов и при поддержке местного самоуправления, были созданы творческие площадки по обучению молодых людей основам технологии традиционных ремесел, в частности войлочного. Так, например, в высокогорном сел. Верхний Баксан Эльбрусского района в 2004 г. был создан Центр национальных ремесел и промыслов, который возглавляет Езетхан Джаппуева.

«Дважды в неделю к нам на занятия приходят девочки из сельской школы, среди них есть такие, которые очень быстро схватывают. А ведь подобные центры надо открыть везде, во всех наших районах, как раньше — в каждом селе были свои мастерицы по изготовлению войлока. Изготовление войлока — уникальное ремесло балкарцев, то, что мы делаем веками, и наша цель — сохранить и передать именно древний способ, мы готовы поделиться своим опытом», — рассказывает она¹.

Как мы видим, в словах наставника звучит проблема межпоколенной преемственности и молодежного участия в сохранении традиционных промыслов. Аналогичная работа с молодежью ведется также на базе средних общеобразовательных школ в сельских поселениях Верхняя Балкария (балк. *Огъары Малкъар*, Черекский район), Аксу (балк. *Акъ-Суу* в составе городского округа Нальчик)².

¹ Гериева Асият. Красота балкарского войлока в коврах и бурках. Как в республике хранят народные традиции [Электронный ресурс] // ТАСС. 2023, 25 мая. URL: <https://tass.ru/v-strane/17680627> (дата обращения: 23.11.2024).

² Геграев Х. К., Геграев И. Х. Балкарский крафт: молодежное участие / Устойчивое развитие Евразийского пространства: социальные технологии, риски и перспективы. III Международный конгресс социологов: сборник научных трудов (Казань, 28–29 ноября 2024 г.) = III International Congress of Sociologists: collection of scientific papers (Kazan, November 28–29, 2024). Электронные текстовые данные (1 файл: 3,37 Мб). – Казань: Издательство Казанского университета, 2024. – 334 с. – Системные требования: Adobe Acrobat Reader. – URL: https://kpfu.ru/portal/docs/-F1091188706/KSCh_Sbornik_2024.pdf. – Загл. с титул. экрана [Электронный ресурс] // Казанский федеральный университет. URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F_231763200/Sbornik_Kongress_2024.pdf (дата обращения: 04.07.2025).

Надо отметить, что последнее десятилетие XX — первая четверть XXI в. балкарского культурного ренессанса были отмечены достаточно активным развитием различных жанров сценического и декоративно-прикладного искусства: профессионального театра (Балкарский государственный драматический театр им. К. Ш. Кулиева); танцевального искусства (Государственный фольклорно-этнографический ансамбль танца «Балкария» и др.); вокального искусства на балкарском языке; крафт-предпринимательство, основанное на традиционных ремеслах (изготовление холодного оружия, изделий из войлока, дерева, дизайн и пошив национальной одежды и др.). В эти же годы, в Туве, на передний план вышли те виды искусства, на которые имеется спрос, в том числе и за рубежом. Это вызвало бурный прогресс таких весьма экзотических видов народной культуры как горловое пение, национальные танцы и ремесла (Анайбан, Губогло, Козлов 1999: 91).

На *фото 8* мы видим, как раз на фоне *ала кийиза* образец традиционного костюма балкарского мужчины, включавшего в себя такие элементы, как изготовлявшаяся из сукна верхняя одежда *чепкен* (ср. тув. *хен*¹), в обиходе и русскоязычной литературе известная еще как черкеска; рубаха со стоячим воротником *каптал*, более известная еще как *бешмет*, которая также шилась, в основном, из домотканого сукна. Поверх черкески нашивались декоративные кармашки *газыри* (балк. *хазырла*), надевался кожаный пояс *белибау* (каз. *белбеу*; тув. *кур*²) с подвесками, которые в парадном варианте оформлялись серебряными вставками (*кююш белибау*; букв. «серебряный пояс»). На пояс вешался кинжал *кама*, в парадном варианте которого также использовалось орнаментированное серебро. Как видно на фото, поверх черкески накинута *башлык* (букв. «головник»), разновидность головного убора, использовавшийся при непогоде. Наконец, это *папах* (балк. *папах*, *берк*, тув. *бөрт*³, каз. *бөрік*⁴), изготовлявшаяся из шерсти ценных пород мелкого рогатого скота.

На этом же фото, на фоне другой разновидности войлочного ковра *бичген кийиза*, мы видим образец женского традиционного костюма балкарки в его наиболее торжественном варианте. *Бичген* (выкроенный) или *оюулу* (узорный) *кийиз* изготовлялся из двух однотонных войлоков контрастных цветов и был скроен по одному и тому же узорному трафарету одинаковых кусков (Карачаевцы. Балкарцы, 2014: 173). Что касается самого женского костюма, то его главной частью было платье с расходящимися полами *чепкен/жыйрыкз*. К обычным рукавам прикреплялись приставные, которые у балкарцев назывались *къанатла*, что в переводе означает «крылья». Ими девушка демонстрировала то, что она молода, свободна и не замужем (Султанова, 2016: 93). Костюмы с длинными рукавами повседневно носили обычно женщины из княжеской среды. Поверх платья повязывался пояс *кямар*. Для украшения праздничного нарядного платья, подобного изображенному на данной фотографии, применялись: а) галуны; б) шитье золотом и серебром; в) аппликации; г) басонные изделия; д) металлические нашивные украшения; е) позументы, узорная тесьма, аграманты (Студенецкая, 1989: 164). Под платьем, как и в случае с мужским костюмом, носили *бешмет* (*къаптал*). *Бешмет* в переводе означает «пять узорных пуговиц», а *къаптал* — «покрывающий (тело)», что в русском языке трансформировалось в *кафтан*. Молодые женщины носили капталы более ярких оттенков. Украшали галунами и вышивкой из серебряных и золотых нитей. Из-под открытого на груди каптала виднелись серебряные застежки *тюйме* (Каарчаевцы. Балкарцы, 2014: 251).

Как видно на *фото 8*, в декоре войлочных ковров-кийизов и женского платья использовались часто схожие мотивы орнамента. В данном случае, это растительный орнамент с элементами трилистника. Кроме того, в декорировании одежды, изделий из войлока, домашней утвари широко применялся зооморфный орнамент со стилизованным изображением рогов тура, барана и т. п.

Особым совершенством покроя и отделки отличались праздничные одеяния представительниц высшего сословия (балк. *таубий*, букв. «горский князь»). Несмотря на гипертрофированное богатство декора, торжественный наряд княгини, благодаря мере, найденной мастерицей, ее тонкому художественному чутью, производит впечатление величественности и благородства (Султанова, 2016: 93). Завершают композицию балкарского женского костюма шапочка и платок, которые, в зависимости от технологии изготовления, материала, формы, декора и т. п. имели много разновидностей

¹ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 474.

² Там же. С. 265.

³ Там же. С. 118.

⁴ Бектаев К. Сөздік. Словарь [Электронный ресурс] // Altaica.ru. URL: https://altaica.ru/LIBRARY/turks/Бектаев_%20Большой%20казахско-русский%20русско-казахский%20словарь.pdf (дата обращения: 04.07.2025).

и названий. В данном случае мы видим куполообразную шапочку *алтын чокай* (букв. «золотой гребешок»). Также носились шапочки в форме полного и усеченного конуса, цилиндра и др. Поверх шапочки незамужней девушки крепился кисейный или тюлевый платок *къыз жаурукъ* (букв. «девичий платок»). На витрине мы видим платки, расшитые по краям шелковыми нитями, т. н. *чилле жаурукъ*, которые изначально попадали в Балкарию со стран Востока, пока не появились собственные мастерицы, освоившие технологию их шитья.

Как уже отмечалось, депортация нанесла непоправимый ущерб культурному наследию балкарцев, поскольку были утрачены многие аутентичные артефакты и памятники нематериальной культуры. То, что дошло до наших дней, сохранилось благодаря тому, что отдельные предметы и семейные реликвии удалось вывезти в Среднюю Азию и Казахстан во время депортации, либо они чудом сохранились и были обнаружены после возвращения в родные места. Впрочем, большая часть экспозиции Мемориала, иллюстрирующая этнографический быт балкарцев, как раз и составлена из такого рода дарственных вещей. Как, например, изображенные на *фото 14* наковальня (балк. *тёи*, тув. *дөжү*¹, каз. *төс*²) и сосуд для воды (*кумган*) кубачинской (дагестанской) работы, переданные в дар Мемориалу частными лицами. Или старинная ручная мельница (балк. *тирмен*, тув. *дээрбе*³, каз. *диірмен*⁴), состоящая из двух специально обработанных камней (балк. *тирмен таи*, тув. *дээрбе дажы*⁵, каз. *диірмен тас*⁶) (*фото 15*). На верхнем камне отверстие по центру предназначалось для засыпки зерна, а отверстие с краю камня — для ручки, с помощью которой вращали жернов.

Фото 14. Наковальня и кувшин-кумган, уцелевшие после депортации. Из архива Мемориала.
Photo 14. An anvil and a kumgan jug that survived the deportation From the Memorial archive.

Фото 15. Ручная мельница и кувшин-кумган из балкарского жилища. Из архива Мемориала.
Photo 15. A hand mill and a kumgan jug from a Balkarian dwelling. From the Memorial archive.

¹ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 177.

² Төс [Электронный ресурс] // Sozdik.kz. URL: <https://sozdik.kz/ru/dictionary/translate/kk/ru/төс/> (дата обращения: 04.07.2025).

³ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 196.

⁴ Диірмен [Электронный ресурс] // Sozdik.kz. URL: <https://sozdik.kz/ru/dictionary/translate/kk/ru/диірмен/> (дата обращения: 04.07.2025).

⁵ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 196.

⁶ Диірмен тасы [Электронный ресурс] // Sozdik.kz. URL: <https://sozdik.kz/ru/dictionary/translate/kk/ru/диірмен%20тасы/> (дата обращения: 04.07.2025).

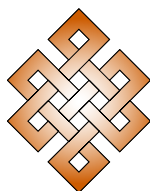

Фото 16. Традиционная одежда (бурка, башлык) и домашняя утварь балкарцев — ковры-кийизы, котел-казан с надочажной цепью. Из архива Мемориала.
Photo 16. Traditional clothes (burka, bashkir) and household utensils of the Balkars — carpets, kiyiz, a cauldron with a chain above the lever. From the Memorial archive.

На фото 16 слева мы видим такие сакральные элементы домашнего очага (балк. *от жагъа*, тув. *одаг*¹, каз. *ошак*²), как котелок для приготовления пищи (балк. *къазан*, тув. *казан*³, каз. *казан*⁴) и цепь (балк. *сынжыр*, тув. *илчирбе*⁵, каз. *шынжыр*⁶).

Вместе с незатухающим очагом они символизировали благополучие в доме, неизбежность семьи и рода, о чем пишет Ч. К. Ламажаа: «Символом стабильности в традиционной народной культуре выступал очаг, который связывался с целым кругом понятий: жилище, семья, род, племя и пр. Все эти понятия составляли собой основу для понимания того, что есть гармония мира, противоположностью которого был хаос» (Ламажаа, 2012: 30).

Справа на фото видны бурка (балк. *жамычы*) с башлыком. Несмотря на то, что данные элементы верхней одежды уже малоупотребительны в современном быту горцев, в балкарских селах по-прежнему имеются мастерицы, владеющие технологией их изготовления. К бурке прислонен такой необходимый в условиях гор и пастушеского быта предмет, как посох (балк. *мужура*, *таяк*; тув. *даянгыши*⁷, каз. *асатаяк*⁸), который наделялся сакральными функциями оберега и изготовлялся из наиболее почитаемых древесных растений, в частности из кизилового дерева (балк. *чум терек*, каз. *қызыл тал*⁹).

Можно сказать, что наличие этнографического сегмента в экспозиции Мемориала позволяет протянуть мысленную историческую нить между наследием традиционной культуры балкарского

¹ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. П. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 313.

² Очаг [Электронный ресурс] // Sozdik.kz. URL: <https://sozdik.kz/ru/dictionary/translate/ru/kk/очаг/> (дата обращения: 04.07.2025).

³ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. П. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 218.

⁴ Казан [Электронный ресурс] // Sozdik.kz. URL: <https://sozdik.kz/ru/dictionary/translate/ru/kk/казан/> (дата обращения: 04.07.2025).

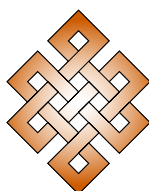
⁵ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. П. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 206.

⁶ Шынжыр [Электронный ресурс] // Sozdik.kz. URL: <https://sozdik.kz/ru/dictionary/translate/kk/ru/шынжыр/> (дата обращения: 05.07.2025).

⁷ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. П. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 150.

⁸ Посох [Электронный ресурс] // Sozdik.kz. URL: https://sozdik.kz/ru/dictionary/translate/ru/kk/посох/?language_interface_toggle=on (дата обращения: 05.07.2025).

⁹ Кизил [Электронный ресурс] // Sozdik.kz. URL: <https://sozdik.kz/ru/dictionary/translate/ru/kk/кизил/> (дата обращения: 05.07.2025).

народа, опасностью ее утраты в годы депортации и попытками возрождения в настоящее время, о чем символически и буквально свидетельствуют спускающиеся и поднимающиеся ступени верхнего и нижнего яруса Мемориала.

Миссия Мемориала и примеры некоторых других музейно-мемориальных пространств

Комплекс Мемориала расположен в курортной зоне г. Налчика, в районе Долинск, что также способствует посещению его большими организованными туристическими группами, в состав которых входят представители самых различных регионов России и зарубежья. В Мемориале создан центр детского научного творчества, участниками которого являются учащиеся и учителя городского округа Налчик. На его площадке проходят выставки, научные конференции, встречи национальной интеллигенции. Музей подключен к сети Интернет и ведет свой официальный сайт¹. Небольшой штат сотрудников Мемориала проводит непрерывную большую работу по систематизации имеющихся и поступающих от организаций и частных лиц разнообразных материалов, представляющих большой интерес с точки зрения научного балкароведения и воспитания чувства исторической памяти.

Здесь уместным будет привести некоторые из экспертных мнений представителей разных поколений балкарского народа, занятых в сфере образования и культуры, относительно миссии Мемориала памяти жертв репрессий балкарского народа:

«Мемориал жертвам репрессий балкарского народа выполняет важную задачу по связыванию прошлого, настоящего и будущего, сохраняя и представляя материальную и духовную культуру, которая является основой для понимания настоящего и формирования будущего. Данный мемориал служит мостом между поколениями, предоставляя возможность изучать историю, извлекать уроки из прошлого и формировать более глубокое понимание идентичности. Все эти годы мемориал жертвам репрессий балкарского народа продолжает оставаться главным хранилищем национальной исторической памяти. Мемориал — это не только место памяти и скорби, но и музей, играющий роль храма веры в будущее. Мемориал с первого дня своего открытия ведет работу по сбору и систематизации очевидцев депортации балкарского народа. Все мы чувствуем, что сегодня происходит что-то важное, что должно послать нам простую идею: произошедшее не должно повториться. Ни в каком виде, ни в какой форме» (И. Б-ов, 25 л.);

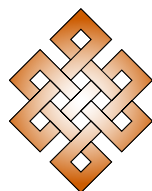
«Сложно переоценить смысловое значение музейного центра “Мемориал”, его интегрирующую роль в социальной жизни балкарского народа. С момента создания он стал точкой эмоциональной фиксации, обрел метафизическую глубину, позволил этносу отстоять право на отправление мемориальных практик, связанных с трагедией незаконной депортации. Конечно, важно, что появился своего рода центр документации — хранилище разнообразных материалов, отражающих трагедию депортации 1944–1957 гг., но еще более значимо, что это точка актуализации прошлого, в которой, образно выражаясь, можно “преклонить колена”, отдать дань памяти невинным жертвам. “Мемориал” — это сублимация боли, определенная тезаурус национальной культуры» (З. О-ва, 53 г.).

Кроме Мемориала, у балкарского народа есть и другие примеры музейных и мемориальных пространств, идея создания которых принадлежала частным лицам, и потом только они получали региональный статус. Как, например, уникальный в своем роде мемориал «Сто шагов к Кайсыну», открытый в 2015 г., посвященный памяти классика балкарской литературы Кайсына Шуваевича Кулиева, прошедшего дорогами войны, а потом, вместе со своим народом, и депортации². Автором идеи является балкарский общественный деятель Хадис Тетувев, создавший для реализации данного проекта одноименный фонд.

Примеры музейных и мемориальных пространств, возникших изначально по инициативе местных сообществ и энтузиастов из числа, как правило, национальной интеллигенции можно найти и среди других тюркских народов, населяющих Россию и государства Ближнего зарубежья. В своем объемном автобиографическом труде «Антропология повседневности», уже упоминавший-

¹ Мемориал жертв политических репрессий 1944–1957 годов [Электронный ресурс] // ГКУК «Мемориал жертв политических репрессий 1944–1957 годов. URL: <https://memorialbn.ru/> (дата обращения 30.06.2025).

² Сто шагов к Кайсыну. Как начинался проект (Хадис Тетувев) [Электронный ресурс] // Проза.ру. URL: <https://proza.ru/2023/05/25/632> (дата обращения: 10.07.2025).

ся крупнейший советский и российский этносоциолог гагаузского происхождения М. Н. Губогло пишет об истории создания, в позднесоветский период, по инициативе гагаузского писателя Кара Чобана, этнографического музея в селе Бешалма, ставшего мемориалом и маяком самобытности гагаузского народа, выполняющего этноохранительные и этносозидательные функции (Губогло, 2013: 915, 919). Гагаузы и балкарцы сопоставимы по численности населения и немалая часть гагаузов также была депортирована в восточные районы СССР, чему немало места уделено в автобиографическом, если говорить шире — антропологическом, труде М. Н. Губогло.

В Казахстане, в 2007 г., в с. Акмол, близ Астаны, был открыт мемориальный музей «АЛЖИР», посвященный женщинам-узницам Акмолинского лагеря жен-изменников Родины. Также, как и в музее Мемориала памяти жертв политических репрессий балкарского народа, в музее «АЛЖИР» по экспозиции можно проследить историю Казахстана, начиная со времени вхождения в состав Российской империи и заканчивая событиями перестроечного периода. При этом часть экспозиции посвящена депортации народов СССР, для которых, в том числе и балкарцев, Казахстан стал местом ссылки, а для многих из них и второй родиной¹.

В Республике Ингушетия, в 1997 г., близ г. Назрань, был открыт грандиозный по своему композиционному решению Мемориальный комплекс жертвам репрессий, посвященный памяти ингушей, подвергшихся депортации в Казахстан и Среднюю Азию, наряду с чеченцами, 23 февраля 1944 г., т. е. чуть раньше балкарцев (8 марта 1944 г.). В настоящее время он называется Мемориал памяти и славы, и также представляет собой тезаурус историко-культурного наследия ингушского народа, начиная с вхождения Ингушетии в состав Российской империи и заканчивая драматическими событиями постсоветской истории².

В 1996 г. в столице Республики Калмыкия, в г. Элиста, открылся Мемориал «Исход и возвращение», посвященный трагическим событиям в истории калмыцкого народа — депортации 1943–1944 гг. в ряд областей Сибири. Мемориал состоит из трех компонентов: памятника «Исход и возвращение», железнодорожного вагона из тех, в которых перемещали калмыков за Урал, и мемориальной плиты. Памятник высотой около трех метров установлен на вершине искусственно созданного кургана, под которым захоронена капсула с землей из сибирских спецпоселений. Автор — знаменитый скульптор Эрнст Неизвестный. Вдоль кургана тянутся рельсы короткого железнодорожного полотна, а у его подножия стоит вагон, в котором размещена экспозиция, посвященная сибирской ссылке. Вдоль рельсов водружены 14 столбов, отсчитывающих каждый год пребывания в ссылке. Вагон-музей открылся в 2011 г.³

Мемориализация политических репрессий довольно рано началась в Республике Тыва. Уже в 1994 г. в г. Кызыле был создан Музей истории политических репрессий в Туве, который в настоящее время является филиалом Национального музея Республики Тыва им. Алдан-Маадыр. Экспозиция музея сформировалась на основании оценки событий конца 1920-х — начала 1950-х гг. очевидцами и детьми «врагов народа». В мемориальный комплекс музея входят также скульптура «Непокоренный» и Аллея памяти, состоящая из бюстов видных деятелей Тувинской Народной Республики, подвергшихся репрессиям в 1920-е — 1940-е гг. Филиал политических репрессий ежегодно 30 октября, в День памяти жертв политических репрессий, проводит возложение цветов к памятнику «Непокоренный»⁴.

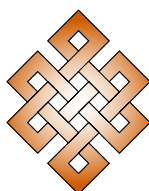
Можно сказать, что при всех особенностях каждого из приведенных здесь примеров мемориальных комплексов, их объединяет замысел того, что они не сводятся к монументальным сооружениям, а включают в себя также и музейные пространства, позволяющие более глубоко погрузиться в историческое прошлое и культурное наследие народа, с которым связаны данные кластеры пространства.

¹ Музейно-мемориальный комплекс «АЛЖИР». Главная страница [Электронный ресурс] // Музейно-мемориальный комплекс «АЛЖИР». URL: <https://museum-alzhir.kz/ru/> (дата обращения: 10.07.2025).

² Официальный сайт «Мемориальный комплекс жертвам репрессий». Галерея [Электронный ресурс] // Официальный сайт «Мемориальный комплекс жертвам репрессий». URL: <https://memorial06.tmweb.ru/galereya/> (дата обращения: 10.07.2025).

³ Мемориал «Исход и возвращение» [Электронный ресурс] // Некоммерческий информационный историко-просветительский проект «Исторический багаж». URL: <https://историческийбагаж.рф/post/memorial-ishod-i-vozvrashchenie-2568> (дата обращения: 10.07.2025).

⁴ Филиал репрессий — Национальный музей имени Алдан-Маадыр Республики Тыва [Электронный ресурс] // Национальный музей имени Алдан-Маадыр Республики Тыва. URL: https://музейтыва.рф/?page_id=941 (дата обращения: 10.07.2025).

Как отмечал академик В. А. Тишков, «кластеры пространства могут существовать как в непосредственном материальном воплощении, так и в историко-временном режиме на периодической и даже на регулярной основе, когда в рамках общеразделяемых ценностей или группового интереса создаются пространственные места» (Тишков, 2021: 279) и, как показывает современная практика, мемориальные места и музеи постепенно превращаются в целые институты, пространства для ментального и эмоционального благополучия, для оказания помощи человеку в эпоху не морально-го, а ментального кризиса, проходя путь от элитарных хранилищ до терапевтических хабов¹.

Изучение деятельности такого рода мемориальных институций приводит к мысли, что их миссия состоит в том, чтобы через историческую память соединить прошлое, настоящее и будущее народа, обеспечить межпоколенную трансмиссию историко-культурного наследия.

Заключение

Таким образом, пространство Мемориала представляет собой историко-культурный кластер, вмещающий в себя собственно само здание с музейной экспозицией; могилу Кязима Мечиева и посвященную ему мемориальную композицию; площадь для проведения публичных мероприятий и закладной камень, на месте которого планируется воздвигнуть памятник Балкарской женщине, во многом благодаря которой народ выжил в тяжелые годы депортации, когда многие мужчины находились на фронтах Великой Отечественной войны.

Мы можем отметить, что за более чем два десятилетия своего существования Мемориал стал не только хранилищем исторической памяти народа, но и площадкой для дискуссий, своего рода балкарским Гайд-парком, выполняющим функцию внутриэтнической коммуникации и консолидации, актуализирующих этничность, политическую и социокультурную субъектность народа в современную эпоху неустойчивости, цивилизационных и ценностных кризисов.

Благодарности

Авторы выражают благодарность директору ГКУК «Мемориал жертв политических репрессий 1944–1957 годов» (г. Нальчик), заслуженному работнику культуры Кабардино-Балкарской Республики Теммоевой Шахидат Ибрагимовне за содействие, в ходе работы над данным исследованием, в поиске и предоставлении необходимых документов и материалов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анайбан, З. В., Губогло, М. Н., Козлов, М. С. (1999) Формирование этнополитической ситуации. Т. 1. Очерки истории постсоветской Тувы. М. : ЦИМО. 420 с.

Асанов, Ю. Н. (1976) Поселения, жилища и хозяйственные постройки балкарцев (вторая половина XIX — 40-е годы XX в.). Нальчик : Эльбрус. 118 с.

Ассман, А. (2014) Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М. : Новое литературное обозрение. 328 с.

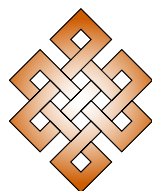
Барбашин, М. Ю. (2013) Институты и этногенез: институциональное воспроизводство этнической идентичности в локальных сообществах: Ростов-н/Д. : ИПОПИ ЮФУ. 356 с.

Бернштейн, Э. Б. (1993) Архитектура балкарского народного жилища. М. : Международный фонд истории науки ; Дикси. 160 с.

Вайнштейн, С. И. (1991) Мир кочевников центра Азии. М. : Наука. 296 с.

Геграев, Х. К. (2001) Демографические последствия Великой Отечественной войны (1941–1945) и насильственной депортации (1944–1957) для балкарского народа // Сборник трудов молодых ученых : в 2-х т. / отв. ред. К. К. Бауаев. Нальчик : Каб.-Балк. ун-т. Т. II. 154 с. С. 100–110.

¹ От Кунсткамеры к терапевтическому хабу: как музеи переписывают определение культурной институции [Электронный ресурс] // Snob.ru. 2025, 8 июля. URL: <https://snob.ru/culture/ot-kunstkamery-k-terapevticheskomu-khabu-kak-muzei-perepisyvaiut-opredelenie-kulturnoi-institutsii/> (дата обращения: 12.07.2025).

Геграев, Х. К. (2017) Религиозное измерение поэзии К.Ш. Кулиева: неуловимое и имманентное // Художественный опыт Кайсына Кулиева в сохранении российской культурной идентичности: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения народного поэта Кабардино-Балкарии, лауреата Государственных премий РСФСР и СССР, лауреата Ленинской премии Кайсына Шуваевича Кулиева (1917–1985). 27–29 октября 2017 года / отв. ред. З. А. Кучукова. Нальчик : Принт-Центр. 359 с. С. 71–78.

Губогло, М. Н. (2003) Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М. : Наука. 764 с.

Губогло, М. Н. (2013) Антропология повседневности. М. : Языки славянской культуры. 752 с.

Жирар, Р. (2000) Насилие и священное. М. : Новое литературное обозрение. 400 с.

Карачаевцы. Балкарцы (2014) / отв. ред. М. Д. Каракетов, Х.-М. Сабанчиев. М. : Наука. 816 с.

Кушхабиев, А. В., Шаожева, Н. А., Геграев, Х. К., Табаксоев, И. А. (2021) Основные проблемы развития общественно-политической ситуации в Кабардино-Балкарии в конце XX — начале XXI века. Нальчик : Издательство КБНЦ РАН. 346 с.

Ламажаа, Ч. К. (2012) Тезаурусный подход к анализу тувинской культуры // Новые исследования Тувы. № 1. С. 25–46.

Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности (2020) / под общ. ред. Л. П. Репиной. М. : Аквилон. 464 с.

Сабанчиев, Х.-М. А. (2008) Балкарцы: выселение и возвращение. Нальчик : Эльбрус. 436 с.

Студенецкая, Е. Н. (1989) Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. М. : Наука 288 с.

Султанова, А. М. (2016) Орнаментальный декор в традиционном искусстве карачаевцев и балкарцев. Нальчик : Эльбрус. 120 с.

Тишков, В. А. (2021) Избранные труды : в 5 т. М.: Наука. Т. 2: Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. 543 с.

Шабаев, Д. В. (1994) Правда о выселении балкарцев. Нальчик : Эльбрус. 289 с.

Эриксен, Т. Х. (2014) Что такое антропология? М. : Изд. дом Высшей школы экономики. 238 с.

Дата поступления: 18.07.2025 г.

Дата принятия: 03.11.2025 г.

REFERENCES

Anayban, Z. V., Guboglo, M. N. and Kozlov, M. S. (1999) *Formation of the ethnopolitical situation. Vol. 1. Essays on the post-Soviet history of Tuva*. Moscow, TsIMO. 420 p. (In Russ.).

Asanov, Yu. N. (1976) *Settlements, dwellings and economic buildings of the Balkars (second half of the 19th — 1940s)*. Nalchik, Elbrus. 118 p. (In Russ.).

Assmann, A. (2014) *The long shadow of the past: Memorial culture and historical politics*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 328 p. (In Russ.).

Barbashin, M. Yu. (2013) *Institutions and ethnogenesis: institutional reproduction of ethnic identity in local communities*. Rostov-on-Don, IPOPi YuFU. 356 p. (In Russ.).

Bernshtein, E. B. (1993) *Architecture of the Balkar traditional dwelling*. Moscow, Mezhdunarodnyi fond istorii nauki; Diksi. 160 p. (In Russ.).

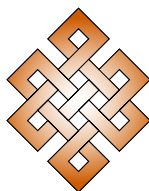
Vainshtein, S. I. (1991) *The world of nomads of the center of Asia*. Moscow, Nauka. 296 p. (In Russ.).

Gegraev, Kh. K. (2001) Demographic consequences of the Great Patriotic War (1941–1945) and forced deportation (1944–1957) for the Balkar people. In: *Collection of works of young scholars*, in 2 vols. Ed. by K. K. Bauayev. Nalchik, Kabardino-Balkarian University. Vol. II. 154 p. Pp. 100–110. (In Russ.).

Gegraev, Kh. K. (2017) The religious dimension of the poetry of K. Sh. Kuliev: the elusive and the immanent. In: *The artistic experience of Kaysyn Kuliev in preserving Russian cultural identity: Materials of the All-Russian scholarly conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the People's Poet of Kabardino-Balkaria, laureate of State Prizes of the RSFSR and the USSR, laureate of the Lenin Prize Kaysyn Shuvaevich Kuliev (1917–1985)*. 27–29 October 2017. Ed. by Z. A. Kuchukova. Nalchik, Print-Tsentr. 359 p. Pp. 71–78. (In Russ.).

Guboglo, M. N. (2003) *Identification of identity: ethnological essays*. Moscow, Nauka. 764 p. (In Russ.).

Guboglo, M. N. (2013) *Anthropology of everyday life*. Moscow, Yazyki slavyanskoi kultury. 752 p. (In Russ.).

- Girard, R. (2000) *Violence and the sacred*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 400 p. (In Russ.).
- Karachays. Balkars* (2014) Ed. by M. D. Karaketov and Kh.-M. Sabanchiev. Moscow, Nauka. 816 p. (In Russ.).
- Kushkhabiev, A. V., Shaozheva, N. A., Gegraev, Kh. K. and Tabaksoev, I. A. (2021) *Key problems in the development of the sociopolitical situation in Kabardino-Balkaria in the late 20th – early 21st century*. Nalchik, KBNTS RAN Publishing House. 346 p. (In Russ.).
- Lamazhaa, Ch. K. (2012) Thesaurus approach to the analysis of Tuvan culture. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 25–46. (In Russ.).
- The past for the present: History-memory and narratives of national identity* (2020). Ed. by L. P. Repina. Moscow, Akvilon. 464 p. (In Russ.).
- Sabanchiev, Kh.-M. A. (2008) *Balkars: deportation and return*. Nalchik, Elbrus. 436 p. (In Russ.).
- Studenetskaya, E. N. (1989) *Clothing of the peoples of the North Caucasus in the 18th–20th centuries*. Moscow, Nauka. 288 p. (In Russ.).
- Sultanova, A. M. (2016) *Ornamental decor in the traditional art of the Karachays and Balkars*. Nalchik, Elbrus. 120 p. (In Russ.).
- Tishkov, V. A. (2021) *Selected works*, in 5 vols. Vol. 2: *Requiem for an ethnos: Studies in sociocultural anthropology*. Moscow, Nauka. 543 p. (In Russ.).
- Shabaev, D. V. (1994) *The truth about the deportation of the Balkars*. Nalchik, Elbrus. 289 p. (In Russ.).
- Eriksen, T. H. (2014) *What is anthropology?* Moscow, Higher School of Economics Publishing House. 238 p. (In Russ.).

Submission date: 18.07.2025.

Acceptance date: 03.11.2025.